

противоположности “конечного и бесконечного, смертного и бессмертного, земли и неба” [2, с. 6]. В.Н. Топоров в работе “О космологических источниках раннеисторических описаний” показывает, как в подобном бунинском типе мирозерцания отразился поединок между историческими и космологическими принципами. Ввержение человека ранней истории в состояние вселенского одиночества следует из потери им связи со вселенским ритмом при еще не возникшей возможности найти опору в истории [5, с. 113]. Нечто похожее происходит и с героиней “Чистого понедельника”. Ее переживание космической аритмии также порождено отсутствием опоры в историческом бытии. Истощенная почва современной культуры представляется героине новеллы больше не способной давать жизнь гармоничным целостным формам. В современном облике мира, символизированном надгробьем на могиле А.П. Чехова, девушка видит только “противную смесь сусального русского стиля с художественным театром” [1, с. 244]. Ее раздражает пение “разудалого” Шаляпина и высокопарный стиль Брюсовского “Огненного ангела”. На противоположном полюсе духовного космоса бунинской героини средневековые летописи и сказания. Ее вдохновенное повествование о княжеской жене, не поддавшейся искушению змия, посланного дьяволом “в естестве человеческого зело прекрасном”, варьирует сюжет о Петре и Февронии, сложившийся как легенда в шестнадцатом столетии. Идеал счастья героиня “Чистого понедельника” последовательно связывает с комплексом средневекового человека, еще ощущающего в себе неразрывность исторического и метаисторического существования. Человек современной истории безвозвратно утратил способность ощущать себя причастным двум этим модусам бытия. Поэтому в бунинской новелле “песнь торжествующей любви” оказывается заглушенной скорбным боем часов на Спасской башне, доносящим гул минувших веков. Любовь современного

человека, потерявшего связь с исконными, сакральными ценностями, может быть истолкована как дьявольское искушение. Героиня символически именуется возлюбленного накануне единственной близости с ним не князем, а змеем. Финал новеллы читается в ключе окончательного утверждения необратимого разрыва исторического и метаисторического существований, повлекшего утрату сакральных источников жизни и культуры.

Предпринятая попытка еще одной интерпретации символического сюжета “Чистого понедельника” показывает следующее. Трагизм человека современной цивилизации Бунин связал с его одновременной подверженностью власти текущей истории и страстному исканию пути восстановления своего единства с Мировым Целым. Отказ героини от десакрализованных идеалов и ценностей эпохи, от любви без таинства возможно истолковать как экзистенциальный выбор, которым человек Бунина преодолевает свою пассивность в поиске Истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. – Т. 7 / И. А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1966. – 400 с.
2. Блюменкранц М. А. Введение в философию подмены (легенда в историко-философской перспективе) / М. А. Блюменкранц. – М.: “Весть”, 1994. – 88 с.
3. Долгополов Л. Рассказ “Чистый понедельник” в системе творчества И. Бунина эмигрантского периода // На рубеже веков: О русской литературе конца XIX – начала XX века / Л. Долгополов. – Л., 1985. – С. 319–343.
4. Мальцев Ю. Иван Бунин, 1870–1953 / Юрий Мальцев. – М.: Посев, 1994. – 432 с.
5. Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний / В. Н. Топоров // Учен. зап. Тарт. ун-та. – Вып. 308. Труды по знаковым системам. – VI. – Тарту, 1973. – С. 112–136.

УДК 812.161.1(092)

В. П. Казарин, М. А. Новикова

“НЕ БОЙСЯ; ПОДОЙДИ...”

(Установлена и документирована дата смерти Н. В. Недоброво)

В.П. Казарин, М.О. Новикова

“НЕ БІЙСЯ; ПІДІЙДИ...” (ВСТАНОВЛЕНА І ДОКУМЕНТОВАНА ДАТА СМЕРТІ М.В. НЕДОБРОВО).

У статті характеризується останній період життя близького друга А.А. Ахматової, поета, одного з перших критиків її творчості, М.В. Недоброво. На основі архівних записів і документальних свідчень уточнюється дата смерті та місце його поховання.

Ключові слова: період творчості, архівні записи, документальні свідчення.

В.П., Казарин М.А. Новикова

“НЕ БОЙСЯ; ПОДОЙДИ...” (УСТАНОВЛЕНА И ДОКУМЕНТИРОВАНА ДАТА СМЕРТИ Н.В. НЕДОБРОВО)

В статье характеризуется последний период жизни близкого друга А.А. Ахматовой, поэта, одного из первых критиков ее творчества. На основе архивных записей и документальных свидетельств уточняется дата смерти и место его погребения.

Ключевые слова: период творчества, архивные записи, документальные свидетельства.

V.P. Casarin, M.A. Novikova

“NIE BOISYA; PODOIDI... [DO NOT BE AFRAID; COME...]” (THE DATE OF N.V. NEDOBROVO'S DEATH HAS BEEN DETERMINED AND DOCUMENTED)

The article characterizes the late period of life of A.A. Akhmatova's close friend, a poet and one of the first critics of her work. Based on historical records and documentary evidences we have got the date of death and the place of his burial more accurate.

Keywords: the period of creative work, historical records, documentary evidence.

Подарок всем поклонникам А. А. Ахматовой сделала в 2012 году ялтинский историк и краевед Зинаида Георгиевна Ливицкая. В результате многолетних поисков она выявила в Государственном архиве в Автономной Республике Крым метрическую книгу ялтинской Свято-Успенской церкви, которая располагалась в нижней Аутке, с записью о смерти и похоронах близкого друга Анны Ахматовой – Николая Владимировича Недоброво (1882 – 1919).

Предлагаем вниманию читателей электронную копию этой записи (ГА АРК, ф. № 142, оп. № 1, д. № 1120, лл. 288 – 289):

Запись в метрической книге свидетельствует, что “потомственный дворянин Николай Владимиров Недоброво”, 35 лет от роду, умер 2 декабря и был погребен 5 декабря 1919 года на Аутском кладбище. В графе “От чего умер” указано: “Туберкулез легких”. Обряд погребения совершили

протоиерей Свято-Успенской церкви Сергей Шукин и диакон Тимофей Изотов. Запись сделана в церковной метрической книге, следовательно, даты указаны по старому стилю. По новому стилю Н.В. Недоброво умер 15-го и погребен 18 декабря.

Упомянутые священнослужители были в высшей степени достойными людьми, которым выпала яркая и трагическая судьба. Имя отца Сергия (Сергея Николаевича Шукина, 1872 – 1931 гг.) не раз встречается на ялтинских страницах жизни и творчества А.П. Чехова, обитателя верхней Аутки, с которым священник был в многолетних дружеских отношениях. Протоиерей Шукин пользовался необыкновенной популярностью среди ялтинцев, что не раз спасало его во время арестов после революции. Он продолжал служить в Свято-Успенской церкви вплоть до 1930 года, когда она была закрыта, а вскоре после этого и разрушена. Отец Сергий уехал в Москву, где жили его дети. Там он продолжал служить священником вплоть до своей скорой смерти, завоевав авторитет и у новых прихожан. 8 октября 1931 года, в день его ангела, он был сбит на улице грузовым автомобилем и умер через два-три часа не приходя в сознание [8].

Диакон отец Тимофей (Тимофей Спиридонович Изотов, 1875 – 1938 гг.) был уроженцем Симферополя, происходил из мещан, закончил церковно-приходскую школу. С 1909 года служил псаломщиком в кафедральном соборе Александра Невского в Симферополе. В 1912-м рукоположен в сан диакона. В 1916 году диакон Тимофей переведен в Аутку в Свято-Успенскую церковь, одновременно он сослужил в греческой церкви Св. великомученика Феодора Тирона. В 1921 году возвращается в Симферополь и исполняет обязанности священника в кладбищенской Всехсвятской церкви. В сентябре 1936 года о. Тимофея переводят в Алушту настоятелем храма Св. великомученика Феодора Стратилата. В 1938 году 8 февраля “гражданина Изотова” арестуют. Семь дней допросов “с пристрастием” его не ломают, он не признает себя виновным, никого не оговорит. 15 февраля “тройка” НКВД приговорит его к высшей мере наказания с конфискацией имущества. Приговор будет незамедлительно приведен в исполнение. Церковь причислит новомученика к лику местночтимых крымских святых [4, с. 26–29].

Вернемся, однако, к Н.В. Недоброво.

Более 90 лет считалось, что он скончался 3 декабря 1919 года [14, с. 132; 9, с. 9; 6, с. 261]. Источником этой информации были свидетельства современников. Чаще всего исследователи ссылались на письмо Ю.Л. Сазоновой-Слонимской, которая 19 января 1920 года сообщала М.А. Волошину: “Третьего декабря умер Николай Владимирович Недоброво от болезни почек, неожиданно обнаружившейся лишь в начале ноября”

[7, с. 200; 8]. Аналогичная информация содержалась в письме М.А. Волошину вдовы Николая Владимировича – Любови Александровны Недоброво, которое также датировано 19 января 1920 года [13, с. 93; 12, листы 11 – 13 об.].

Письма М.А. Волошина свидетельствуют, что Ю.Л. Сазонова-Слонимская уже извещала его о смерти Н.В. Недоброво ранее – через ехавшую из Ялты в Феодосию журналистку Е.А. Фидлер. М.А. Волошин, по его словам, посылал Л.А. Недоброво с возвращавшейся в Ялту Е.А. Фидлер “коротенькое письмо”, но оно не дошло до адресата [13, с. 93; 10, письмо № 4; 12, листы 11 – 13 об.]. Характерно, что информация о смерти поэта распространялась только через переписку и рассказы знакомых. Никто из современников ни разу не указывает, что получил сведения о его кончине из газет. А.А. Ахматова, по ее собственному свидетельству, узнала о смерти своего друга от О.Э. Мандельштама в декабре 1925 года [1, т. 5, с. 36].

Отсутствие документальных доказательств даты смерти приводило к появлению разного рода альтернативных точек зрения: “Лучший друг Недоброво и в недавнем прошлом самый близкий ему человек Борис Анреп “похоронил” Недоброво в 1918-м и не сомневался в правильности этой датировки почти до конца своих дней, до 60-х годов” [9, с. 9]. Мало того, существовали разные точки зрения даже по поводу того, где поэт был похоронен. Так, М.А. Струве еще в 1930 году полагал, что Н.В. Недоброво покоится в Гурзуфе [9, с. 234].

Новонайденная запись в метрической книге кладет конец этой разногласии. Кстати, запись в книге имеет номер – 118. Это только мужчины. Для женщин в книге велась своя нумерация. Нетрудно посчитать, приняв во внимание количество церквей в Ялте и трагические обстоятельства неоднократной смены власти в Крыму в 1919 году, насколько богатым на смерти был уходящий год только для православных верующих в этом небольшом южном городе! А к этому надо добавить жертвы из числа верующих других конфессий, погибших на поле боя, бессудно расстрелянных и утопленных в море...

Отдельно стоит сказать о самом Аутском кладбище. Некогда оно было одним из самых почетных в Ялте. В августе 1901 года там похоронили популярного писателя-народника Г.А. Мачтета. 9 июня 1918 года здесь нашла свой последний приют жена Ф.М. Достоевского – Анна Григорьевна, в январе 1919 года мать А. П. Чехова – Евгения Яковлевна, а в феврале 1920 года – выдающийся строитель и великопленный исследователь Крыма генерал-майор А.Л. Бертъе-Делагард. Список этот можно продолжать и продолжать.

После революции кладбище начало прихо-

дить в запустение. Если О.Э. Мандельштам в августе-сентябре 1923 года (уточнение года подсказано нам З.Г. Ливицкой), отдыхая в Гаспре, разыскал могилу Н.В. Недоброво, то А.А. Ахматова, посетившая, по некоторым предположениям, Аутское кладбище в сентябре 1929 года (отдыхала в той же Гаспре), ее уже не нашла [3, с. 97; 9, с. 234].

Этой истории можно предложить объяснение. Памятник на могиле, как известно, устанавливается через год. На могиле Н.В. Недоброво его, судя по всему, не было. Поэта похоронили 5 (18) декабря 1919 года, а с октября 1920 года началась массовая эвакуация из Крыма, которая закончилась 3 (16) ноября уходом последних пароходов из Керчи. В числе покидавших родину были и Л.А. - Недоброво с Ю.Л. Сазоновой-Слонимской. Обе они эмигрировали в Италию, где Любовь Александровна в 1923 или в 1924 году умерла от туберкулеза [9, с. 10].

Следовательно, на могиле Н.В. Недоброво мог быть только деревянный крест, устанавливаемый во время погребения. В 1923 году О.Э. Мандельштам его, видимо, еще разыскал. В 1929 году креста уже не было.

В 1930-е годы в руководстве Ялты впервые стала обсуждаться идея закрытия кладбища и использования его территории для других целей. Именно это побудило Марию Павловну Чехову перезахоронить в 1936 году прах матери на городском кладбище, где покоятся члены семьи писателя. После Великой Отечественной войны городские власти фактически начали борьбу с кладбищем. Наиболее именитых “постояльцев” эксгумировали и перенесли на другие некрополи. Так поступили в 1968 году с прахом А.Г. Достоевской: он был перенесен в Ленинград, в Александро-Невскую Лавру, и упокоен рядом с могилой Ф.М. Достоевского. Останки других известных покойников (в частности, Г.А. Мачтета) переносили на Поликуровский мемориал (бывшее Иоанно-Златоустовское кладбище) Ялты. Правда, старожилы рассказывают, что делалось это весьма условно: на новое место переносили только надгробную плиту и часть земли, не утруждая себя при этом перезахоронением самих останков. Можно достаточно уверенно утверждать, что фактически многие покойники остались лежать на прежнем кладбище, которое в 1970-е годы было преобразовано в городской сквер имени Н.Н. Батурина. Прямо по кладбищу были разбиты газоны и проложены дорожки, для мощения которых использовались могильные плиты.

В конце января 2013 года мы бродили со старшей сотрудницей Дома-музея А.П. Чехова в Ялте А.В. Ханило по скверу-кладбищу, расположенному на улице Чернова. Новейшие власти уже не раз старательно чистили его от фрагментов надгробий, но опять мы видели эти фрагменты, забетонированные в дорожки и опорные стенки. В од-

ной из таких стен зацементирована вверх ногами часть могильной плиты с надписью на греческом языке и годом смерти покойника – 1893...

Праха Н.В. Недоброво не попал ни в число вывезенных из Крыма, ни в число перенесенных на другое кладбище. Его могила, как и многие другие, на сегодняшний день утрачена. Твердо мы знаем одно: поэт продолжает лежать в земле Аутки, ставшей для него последним пристанищем.

Теперь, когда одни загадки ушли в небытие, на повестку дня встают другие: где же все-таки Н.В. Недоброво умер? Почему в церковной метрической книге отсутствует запись о том, кто его соборовал и причащал перед смертью? Почему так существенно расходятся данные метрической книги о дате его смерти и свидетельства его родных?

Итинерарий пребывания Н.В. Недоброво в Крыму с 1916 по 1919 год до сих пор изучен очень плохо. Согласно свидетельству А.А. Ахматовой, которое лишено детальной точности, в 1916 – 1917 годах ее друг находился в Алуште [1, т. 5, с. 54]. Относительно 1916-го ее свидетельству можно полностью доверять: в сентябре этого года она встречалась с поэтом в Бахчисарае. Написанное им в 1916 году стихотворение с алуштинским названием “Демерджи” тоже это подтверждает. В этом случае можно с большой степенью уверенности утверждать, что он и его супруга проживали в Алуште в Профессорском уголке в дачном пансионе Е.П. Магденко (дом сохранился), которая была женой видного петербургского филолога А.А. Смирнова. В этом пансионе традиционно собирались летом яркие представители научной и культурной элиты столицы России, к которой Н.В. - Недоброво, конечно же, принадлежал. В числе постоянных гостей алуштинской дачи можно назвать В.М. Жирмунского, К.В. Мочульского, А.Л. Слонимского, братьев Радловых – Сергея и Николая, А.М. Зельманову и В.А. Чудовского, С.Н. Андроникову и С.Л. Рафаловича, О.Э. Мандельштама и В.И. Шухаева.

С января по апрель 1917 года письма Л.А. и Н.В. Недоброво документируют их проживание в Сочи [9, с. 219, 223]. А уже с начала июля 1917-го супруги Недоброво снова в Крыму. В летний период они, вероятно, живут в том же дачном пансионе Е.П. Магденко. По крайней мере, для 1917 года это подтверждает уже приводившееся нами свидетельство А.А. Ахматовой. Для лета 1918 года этот факт подтверждается воспоминаниями старшего брата М.М. Бахтина – белого офицера Николая Михайловича Бахтина. Вот что он пишет, в частности, о пребывании в пансионе у своего петербургского друга А.А. Смирнова: “Был там и известный поэт в последней стадии чахотки, которого возили в кресле-каталке и который говорил лихорадочно и блестяще только об одной поэзии.

Была тут и его жена, некогда тоже знаменитая красавица, а ныне поблекшая, – преданная жена умирающего гения, его боготворимого” [2, с. 342].

На зимнее время семья Недоброво, как и хозяева пансиона [5, с. 651], переезжает в город. Супруги снимают в Ялте комнату. М.А. Волошин сообщает в переписке о “ялтинских беседах” с поэтом осенью 1918 года и даже называет его адрес: Аутская, 69 [9, с. 234; 10, письма 4 и 3; дом не сохранился]. Из письма Л.А. Недоброво от 13 октября 1919 года мы узнаем, что супруги по этому адресу снимали комнату в квартире Горбовых [12, лист 5]. Жена поэта в письме М.А. Волошину от 28 июля 1919 года давала самую отрицательную характеристику их жилью: “<...> здесь против электрической станции было из худших мест города. <...> и мы остались в этой проклятой сырой и холодной комнате, в кот.<орой> Вы не могли сидеть без пальто” [12, листы 1-2 об.].

Летом 1919 года супруги Недоброво, по свидетельству Ю.Л. Сазоновой-Слонимской и М.А. Волошина, живут в Магараче [10, письмо 3]. Письмо Л.А. Недоброво дает точное указание места, где они снимают комнату в этом пригороде Ялты: дача Устинова [12, лист 5]. Имеется в виду имение “Василь-Сарай” генерал-майора М.М. Устинова (1841 – 1917), расположенное в урочище Магарач. “Дача Устинова” сохранилась до наших дней.

Потом, видимо, супруги Недоброво ненадолго перебираются в Гурзуф. По крайней мере, об этом свидетельствует стихотворение М.А. Струве “В Крыму”. Написано оно в 1930 году, в Париже, посвящено памяти Николая Владимировича и носит отчетливо мемуарный характер:

В разрезы желтые, в скалистый брег
Впустило море синие зализы.
Над самым морем белый дом. Чинар
И лавровых кустов сплошная стая
Теснится у крыльца. За домом – кверху
До первого шоссе раскинут лысый,
Каменьями усеянный пустырь.
Приют корявых пробковых дубов
И высохшей полыни. Над шоссе
Полого поднимаясь площадями,
Уходит виноградник. Между двух
Таких квадратов, глиняной дорожкой
Я проходил на дачу, на веранду,
Где на кушетке, под мохнатым плэдом
В чахотке умирал Недоброво.
Мой бедный друг. Я помню, как сейчас,
Той золотистой осени прохладу
Благоуханную. <...> [9, с. 233].

Стихотворение М.А. Струве свидетельствует, что Н.В. Недоброво осенью 1919 года живет какое-то время в Гурзуфе, где его и навещает автор стихов. Мало того, из дальнейшего текста

следует, что М.А. Струве был уверен – его друг покоится в том же Гурзуфе:

<...>

Я вам завидую. Моим скитаньям
Конца не видно, и земля родная
Для нас, осколков рухнувшей державы,
Закрыта. Вам спокойнее. Вы – спите
В Тавриде сладостной. Гурзуфский ветер,
Которым некогда дышал и Пушкин,
Трепещет над холмом могильным. Волны
Его встречавшие могучим гулом,
Шумя протяжно, пестуют ваш сон,
Вздывают кипарисы черный пламень
В лазурный воздух. И щебечут птицы
На русском языке [9, с. 234].

Воображаемая картина эта, конечно же, ошибочна. Она говорит только о том, что сам М.А. Струве не был свидетелем ни смерти, ни похорон Н.В. Недоброво. Эти события не имели широкого резонанса в то трудное время. Показательно, что О.Э. Мандельштам, вернувшийся в северную столицу из Крыма, не мог сообщить А.А. Ахматовой даже точную дату смерти поэта – только месяц и год [1, т. 5, с. 36].

С приходом зимы супруги Недоброво снова в Ялте. Сначала они живут в своей прежней комнате по улице Аутская, 69. Потом Л.А. Недоброво находит другое жилье по улице Княжеской, 8 [12, лист 14; 11, лист 5]. Дом этот уцелел до наших дней. Именно в нем поэт и скончался. Отсюда Николая Владимировича повезли отпевать в ближайшую церковь – Свято-Успенскую. Ялтинские краеведы собираются установить на этом доме доску, посвященную памяти поэта.

Уже цитировавшееся письмо Ю.Л. Сазоновой-Слонимской объясняет отсутствие в метрической записи информации о соборовании и причащении умиравшего. Юлия Леонидовна пишет: “<...> страха у него не было, хотя желание жить было очень велико. Умер он тихо, рано утром” [11, лист 5]. Среди “бытовых верующих” и поныне существует суеверное предубеждение, что соборуют человека исключительно перед смертью. Принимая во внимание бодрое настроение духа больного, близкие Н. В. Недоброво, естественно, до последнего часа гнали от себя мысли о его близкой кончине. Поэтому и не приглашали священника. В результате, смерть Николая Владимировича застала их врасплох.

Отпевал его протоиерей Сергей Щукин – “батюшка народа” и “батюшка интеллигенции”. “Служба и голос” его произвели на вдову “просветляющее и успокаивающее” впечатление и заставили пожалеть, что поэт не был ранее знаком с о. Сергием [12, листы 11 – 13 об.].

Все то же письмо Ю.Л. Сазоновой-Слонимской (как полагали некоторые краеведы) якобы

давало подсказку, в какой части кладбища надо искать могилу поэта. Вот что она пишет: “Похоронен на Аутском кладбище недалеко от церкви” [11, лист 5]. “Церковь”, – делали вывод исследователи, – это, конечно, кладбищенская часовня; в полуразрушенном состоянии она сохранялась еще в 30-е годы. Стояла она слева от входа. Следовательно, где-то в этой части кладбища (сегодня сквера) и должен лежать Н.В. Недоброво.

Но это предположение, видимо, неверно. Человек дореволюционного воспитания не мог перепутать церковь и часовню. Ю.Л. Сазонова-Слонимская имела в виду, конечно, Свято-Успенскую церковь, где отпевали Н.В. Недоброво. А кладбище действительно находилось достаточно недалеко от нее – в 200 – 300 метрах.

Все эти и некоторые другие вопросы требуют новых поисков, а поиски, несомненно, приведут к новым находкам. Ведь мы пока лишь “подходим”, медленно и трудно приближаемся к пониманию последних дней поэта и человека.

Н.В. Недоброво спит, как писал его друг, “в Тавриде сладостной”. Из чеховской Аутки можно было видеть море, которое он так любил. Поэтому разговор о его смерти хотелось бы закончить сонетом о красоте и полноте жизни. Назван сонет именем горы, возвышающейся над Алуштой, – “Демерджи”. Н.В. Недоброво написал его 2 марта 1916 года, за полгода до своей встречи в Бахчисарае с А.А. Ахматовой. Той самой встречи, во время которой она простится с ним навсегда.

Не бойся; подойди; дай руку; стань у края.
Как сдавливают грудь от чувства высоты.
Как этих острых скал причудливы черты!
Их розоватые уступы облетая,
Вон, глубоко внизу, орлов кружится стая.
Какая мощь и дичь под дымкой красоты!
И тишина кругом; но в ветре слышишь ты
Обрывки смятые то скрипа арб, то лая?
А дальше, складками, долины и леса
Дрожат, подернуты струеньем зыбким зноя,
И море кажется исполненным покоя:
Синеет, ровное, блестит – что небеса...
Но глянть: по берегу белеет полоса;
То пена грозного – неслышного – прибоя.

В этом стихотворении – весь наш поэт. Наделенный даром пророчества (его не обманывает “исполненное покоя” море, он видит полосу “неслышного”, но “грозного” прибоя!). Точный не только в визуальных деталях, но и в музыкальной передаче окружающего мира. Наконец, смелый, лишенный страха перед мощью и дикой силой, наполняющей жизнь, призывавший всех нас не бояться ее.

Эту свою отвагу – в последний раз – он доказал своей смертью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. А. Собр. соч. В 6 т. / А. А. Ахматова. – Т. 7 (дополнительный). – М.: Эллис Лак, 1998 – 2002; 2004.
2. Бахтин Н. М. Русская революция глазами белогвардейца [Перевод О. Е. Оссовского] / Н. М. Бахтин // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. Составитель и редактор К. Г. Исупов. – СПб.: Алетейя, 1995. – С. 329–353.
3. Георгиевская З. (Ливицкая З. Г.) “Ревнитель словесности” / З. Георгиевская // Крымские Пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. – Симферополь. – 1997. – № 4. – С. 94–98.
4. Доненко Н. Претерпевшие до конца: Священнослужители Крымской епархии 30-х годов / Н. Доненко. – Симферополь: Таврида, 1997. – 62 с.
5. Заборов П. Р. М. А. Волошин и А. А. Смирнов / П. Р. Заборов // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. 50. – СПб., 1997. – С. 649–654.
6. Кравцова И. Г., Постоутенко К. Ю. Недоброво Николай Владимирович / И. Г. Кравцова, К. Ю. Постоутенко // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. – Т. 4. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 261–262.
7. Кралин М. Победившее смерть слово / М. Кралин // Нева: Журнал. – Ленинград. – 1988. – №7. – С. 198–200.
8. Ливицкая З. Г. Из ялтинского окружения: Отец Сергей Щукин / З. Г. Ливицкая // Крымские Пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. – Симферополь. – 1998. – № 5. – С. 93–98.
9. Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво / Е. И. Орлова. – Томск-Москва: Водолей Publishers, 2004. – 320 с.
10. Орлова Е. И. “... мне кажется, что я чувствую сейчас всю Россию...”: (Из переписки М. А. Волошина 1919–1920 гг.) / Е. И. Орлова // Медиаскоп: Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (mediaskop.ru). – 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/436>
11. РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1072. (сообщено Е. И. Орловой).
12. РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 873. (сообщено Е. И. Орловой).
13. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества: 1917 – 1932 / В. Купченко. – СПб.: Алетейя; Симферополь: Со-нат, 2007. – 624 с.
14. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889 – 1966. – Изд. 2-е, испр. и доп. / В. А. Черных. – М.: Индрик, 2008. – 767 с.